

Максим Стрельцов

Пока не растаял снег...

12+

Максим Стрельцов

Пока не растаял снег...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Стрельцов М. С.

Пока не растаял снег... / М. С. Стрельцов — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2724-1

Герои произведения – молодые люди в возрасте около двадцати лет. Роман не несет цели показать поведение героев в самые экстремальные моменты их жизни. Но в произведении раскрываются повседневные события и локальные конфликты, которых хватает в жизни каждого человека и которым мало внимания уделяется в прочей остросюжетной литературе. Главная идея романа состоит в том, чтобы показать, что жизнь стоит воспринимать не как одно крупное действие со своей завязкой, кульминацией и концовкой, а как множество ситуативных историй, неповторимых и уникальных для каждого.

ISBN 978-5-5321-2724-1

© Стрельцов М. С., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1	5
Шекспир	5
I	5
II	7
III	10
IV	13
V	15
VI	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1

Шекспир

I

Ослепительный блеск люминесцентных ламп, метко отраженный от ярко-белых витрин, словно отсвет солнца от морских волн, ослепляет опущенные глаза человека, настолько глубоко и сильно погрузившегося в свои мысли, что ни шум проходящей толпы, ни даже милые женские улыбки не способны оторвать его от дела истинного – от раздумий...

«Сразу видно, буквально с первых десяти-пятнадцати страниц, что Хемингуэй – писатель действительно редкой когорты. Ему не нужны яркие смелые эпитеты и броские метафоры, чтобы поразить читателя. История – честная, правдивая, близкая каждому – вот его главное оружие... и сражает оно сразу и наповал, как выстрел из винтовки в голову. Он подает ее без лишних прикрас, без излишеств, без ненужных, неуместных описаний и диалогов. Его истории честные, на первый взгляд простые и даже грубые. Но жизнь всегда ли к нам нежна? И вся гениальность Хемингуэя в этой самой простоте. Он не стремится как-то блеснуть изысканными фразами или поставить себя в интеллектуальном плане выше читателя, а называет вещи действительно своими именами, на что способны единицы... Хемингуэй – это не блестящий шикарными витринами центр города. Это паб на окраине в вашем спальном районе. Это история завсегдатого барной стойки, которую тот не стесняется рассказать случайному соседу. Хемингуэй – писатель-воин, солдат, который остался один из немногих, кто умудрился уйти с фронта живым, а теперь рассказывает нам наиболее животрепещущие воспоминания как о больших сражениях, так и о повседневном быте».

Правда, мыслительный процесс один из самых важных и показательных с точки зрения анализа человеческой природы. Существует даже такой подход: давать субъекту невыполнимую задачу, но не для того, чтобы тот волшебным образом ее решил, а чтобы проследить ход мыслей испытуемого. Если бы мы могли тем или иным образом прочесть то, о чем человек думает, тогда, очевидно, на основе именно этих объективных данных выстраивалось бы наше о нем представление. Но хватит фантазировать... Мысли потому так красноречивы, что как раз таки никому не слышны. Услышать же можно чью-то речь, увидеть лицо, потрогать одежду... Это нам и отдано на откуп, когда необходимо выстроить о ком-либо первое впечатление. Ну, тогда к чему же растекаться пространными фразами, которые, словно монотонная колыбельная, будут усыплять критическое напряжение читателя и, нежно держа за руку, сквозь свежий туман расплывчатых сновидений проводят вас в удивительный мир книги, что заняла внимание ваше на добрых пару часов. Да, лучше сразу перейти непосредственно к тому, чтобы обладатель вышеописанных мыслей обрел лицо, тело и одежду, а читатель обрел о нем свое полноценное первое впечатление.

По пути на улицу его взгляд невольно столкнулся с собственным отражением в разъезжающихся дверях на выходе из Галереи. Высокая широкоплечая натура помещалась в таком же высоком и широкоплечем теле. Вообще это был типаж такого человека, о котором постоянно говорят, что он выглядит гораздо старше своих лет. Но будем все же двигаться от частного к общему, и начнем с главного. Итак, обут он был в демисезонные нубуковые ботинки, которые прекрасно шли к черным брюкам, судя по всему, нагло оторванным от костюма с пиджаком из качественной шерсти. Сейчас же несколько одомашненный образ дополнялся темно-синим

пуловером с умеренным узором. Поверх же всего этого нарисовалось очень плотное драповое пальто длиною до колен.

На лице сего мужчины, не смотря на явную зрелость, можно было при желании найти достаточно признаков пока еще не увядшей юности. Во-первых, волосы – темно-русые с отблеском необычно ранних сединок на висках, но все еще чертовски густые, как балканский лес. Во-вторых, грубый и хмурый, но все-таки свободный от морщин зрелости лоб. Во многом именно эти детали выдавали в нем двадцатилетнего студента, коим он и является на самом деле. Остальная же часть лица в основном оставалась закрытой под отращенной на зиму бородой, которая напоминала больше растянутую от ушей до шеи грубую шерстяную мочалку, чем аккуратно ухоженные бакены. Отдельного, немаловажного и весьма увесистого слова требуют, что неудивительно, глаза. И даже не сами глаза, а в целом вся та композиция множества лицевых мышц, которую мы привыкли лаконично именовать взглядом. Так вот взгляд этот был, как правило, трагически спокойным, уравновешенным и предельно надменным. Принято в такие моменты упоминать о цвете глаз, но в данном случае это может вызвать определенные затруднения, связанные с тем, что их оттенок постоянно колебался от приторно-серого до грязно-зеленого. Сами решайте, какой эпитет лучше. Между глаз иронически красовался царственный нос. Вместо того чтобы описывать его долго и нудно, скажу лишь, что им можно было бы закрыть от проливного дождя условную Республику Адыгея. Довершали композицию взгляда широкие брови, вечно сведенные в хмурую гримасу. В конечном счете, мы получаем полный серьезности и надменности типаж какого-нибудь сибирского помещика, неожиданно оказавшегося в Краснодаре второго десятилетия двадцать первого века.

Выйдя-таки на улицу, он почувствовал пронзительно сильный мороз. За два с половиной часа в кинотеатре тело успело привыкнуть к теплу и комфорту, но в первую же секунду его окатило, точно альпийской лавиной, колючим холодом. Ощущение жжения от острых снежных ветров заставило студента спешно заворачиваться потеснее в пальто. Тут же во внутреннем кармане отыскался шарф и тугим узлом завязался на высокой шее. В левом наружном кармане вовремя материализовалась шапка и обрела свое смысловое значение, плотно усевшись на голове молодого человека. Далее, из правого кармана он с грохотом вытащил перчатки. С грохотом? Да, с грохотом. Вместе с ними из кармана выпал телефон. Молодой человек грубо чертыхнулся и подобрал его. Проверил... Все в порядке. Но есть новое непрочитанное сообщение. Номер незнаком. Текст следующий: «По поводу книги. Перезвоните: назначим место и время». Превозмогая треск зубов и резкое переохлаждение пальцев на руках, он, слегка поразмыслив, все-таки решил набрать номер.

На свежем влажном воздухе гудки становятся несколько звонче, а паузы между ними на таком лютном холоде кажутся бесконечными. Выдержав предельно необходимые полминуты ожидания, студент сбросил вызов и, разочарованно вздохнув, направился непосредственно к ближайшей остановке. Но не успел он подойти к первому же светофору, как его телефон снова дал о себе знать звонком и вибрацией. Вновь достает его: номер тот же. Отвечает на вызов.

– Да.

– Алло! Вы звонили?!

– Да. Это... По поводу книги.

– Книги?!

– Да! Книги! Шекспир! Помните?

– А!.. Так.

– Вы просили перезвонить... там... Ну, время, место уточнить. Когда я могу ее забрать у вас?

– Да, хоть сейчас!

– Эм... Хорошо. А где?

– Пересечение Красной и Гаврилова. Где Цветочные часы. Знаете?

- Да. Хорошо. Так во сколько?
- Давайте где-то минут через сорок-пятьдесят.
- Договорились.
- Всё, хорошо. До встречи!

Молодой человек поспешил закончить разговор, поскорее положить телефон обратно в карман, натянуть перчатки на вновь возгоревшиеся от холода руки и укутаться лицом в шарф и воротник пальто.

«Так. Я сейчас на Красной. Гаврилова, вроде, где-то в той стороне. А Цветочные часы... Что он имел ввиду? Понятия не имею, что это... Хотя и третий год живу в этом городе. Ладно, черт с ними – на месте разберусь со всем. На крайний случай, созвонимся с ним, свидимся как-нибудь. Цветочные часы... Достопримечательность, наверное, какая-то... Что-то необычное или, по крайней мере, весьма заметное».

Раскинув эти мысли в своей голове, как карты за игральным столом, он направился вдоль улицы Красной в сторону Авроры. Вся эта сцена, окутанная январским морозом и от того полупустыми тротуарами, толкает на метафору...

Представьте себе путника, который посреди пустыни тянется к последнему оазису. Или лодку одинокого моряка, неустанно ищущую берег, дрейфующую на океанических волнах по воле ветра, шторма, грозы, неба и моря. Точно так же человек, оставшийся один посреди холодного неведения, идет вперед... Не уверен он ни в знаниях своих нынешних, ни в познании будущем, но уверен он в своем стремлении, в своем желании идти к чему-либо, пока весь остальной мир застыл в сугробах снега, выпавшего с небесного пепелища догорающей западной цивилизации.

II

Пока под ногами мелькают фрагменты еще не засыпанной снегом серой брусчатки, можно преспокойно различить на тротуаре редкие узоры из вставок красной плитки. Но этот мимолетный факт навряд ли сможет надолго отвлечь внимание героя предыдущей сцены. Даже под силой нарастающей ветряной стужи осанка его незыблема, а глаза неуклонно направлены поверх голов прохожих.

«Мюнхен... Мак... Что сказать? Открылись друг напротив друга, сами не догадываясь, наверное, что так в одном квартале олицетворили наше общество потребления. Если вы думаете, что одеваетесь или едите то, что хотите, то попросите кого-нибудь вас разбудить и сказать «С добрым утром!», ибо это не так. Если нам не скажут, то откуда узнать, что красиво и что вкусно на самом деле? Вот одни и говорят, а другие покупают, покупают, покупают... тратят, тратят, тратят... Зачем думать? Тряпки из рекламных таблоидов, кружка кофе модной кофейни – и ты уже самый крутой. Зачем учиться? Зачем созидать? Держи на паре в руках дорогой телефон, а не тетрадку с ручкой, собери три тысячи подписчиков в социальной сети – и ты чемпион. Да, и что еще нужно для счастья?.. Ничего, если нет ума. И суть такой жизни в том, чтобы быть транзитным челноком для денег: из одной корпорации в другую, из одной в другую... Вот они, напротив друг друга стоят: в одной работаешь и получаешь зарплату, а в другой ее тратишь. И все рядышком, а мелких конкурентов не пускают – чтоб ни копейки мимо общей кассы! Кассы тех господ, что правят, нет, не миром... что правят людьми в этом мире».

И таких мыслей в достатке в голове данного субъекта. С ранних лет привык он кормить себя подобными идеями. Не то чтобы точно такими с десяти лет... В каждом возрасте свои насущные проблемы и наваждения. И всегда он как будто бы с кем-то говорит. Словно жизнь – это фильм, а его внутренний голос слушает какой-нибудь случайный зритель. И он то, что самое интересное, именно в этом отчасти и прав... Что наша жизнь, если не фильм,

не театр? Нет, это именно театр, маскарад... это игра! Безумно красивая и невероятно захватывающая, срывающая дыхание и не дающая даже маленькой передышки игра... театральная постановка...

Перед следующим перекрестком по левую сторону растянулся забор, который обнесен вокруг пустыря – наверняка заготовка под стройку офисов для банков и бесчисленных турфирм.

Студент, перейдя дорогу, обратил внимание на живописный фасад технологического университета. Даже прижимаясь от холода к уже давно засыпанным белым снегом плечам, он смог по достоинству оценить изящество некоторых архитектурных решений. Действительно, университетские здания – наравне с театрами и музеями – должны быть одними из самых необычных и запоминающихся в городе. К сожалению, не всегда это так. «Вот уберите эти таблички, и никто уже не поймет, что здесь институт, – читаем мысли нашего героя. – Редки университеты, по которым без прочих надписей было бы понятно, что это настоящее высшее учебное заведение». Ведь студенчество – самая продвинутая, талантливая и многообещающая часть молодежи. И им нужно соответствующее поле для самореализации. В этом смысле у нас все как-то старомодно...

А впереди столкновение двух эпох... Хотя точнее будет сказать не эпох, а культур или традиций. И это даже не столкновение, а слияние на одной улице двух сторон жизни человека. Справа – великолепная и величественная Триумфальная арка. Еще в конце девятнадцатого века воздвигнули в честь императора Александра. Да, разрушили при советах... Но не так давно восстановили! И теперь через нее праздничными, да и просто воскресными вечерами проходят тысячи людей, коротающих там свое окинутое блеклым взглядом существование. «Красавица... И в мощи основательности вся ее красота. Да... А что напротив, по мою сторону улицы? Офисы, офисы, офисы... Пара молодежных безвкусных кофеен, банки, супермаркет и прочая дрянь. И сколько же в них всех убогости, а особенно в диссонансном сравнении с Триумфальной аркой... И после следующего перекрестка тоже банки, банки, банки... Сколько их здесь? С десятков будет точно. Кому-то это, может, покажется скорее плюсом, чем минусом: мол, и конкуренция, и выбрать есть из чего... Но если б вы знали, как оно все работает... весь этот... «механизм»... то вы бы не так радовались, если б и радовались вообще...»

Тем временем, снежный вал холодного ветра понемногу стал сламывать осанку и волю противостоявшего январской пурге путешественника. Чтобы согреть лицо, он как можно большую его часть укутал в шарф, опустив голову. Сам же весь будто бы съежился, даже присогнулся слегка и замесил ногами снег на тротуаре, обгоняя всех немногочисленных прохожих. И при этом он все равно так мерз, что весь оставшийся путь думал только о своем дыхании и пульсе. Таким вот образом без его внимания остались еще пара любопытных мест. Даже стадион Динамо, спрятанный за частоколом голых веток приунывших деревьев на другой стороне улицы, оказался позади. Может, оно и к лучшему... Этому объекту еще год с лишним искрить на наковальне реконструкции. Сейчас в его сторону полетело бы что-то вроде: «Раритетные руины...» Но камень на то и камень, что ему не страшны ни жара, ни мороз, ни обидные слова... Да, лишь нещадное время властно над его грубой поверхностью.

В мокрой и липкой метафоре жутко холодного снега утопают плечи и голова студента, будто его, как печенье в форме человека, макнули в молоко. И это не серый снег Урала или средней полосы страны. Это ослепляющий своей навязчивой белизной, принесенный со степей и морей южный снег. Чище и ярче он только на полюсах планеты нашей. Белое небо. Белая земля. Белый холодный воздух... «Да... Я люблю этот холодный воздух... Нет ничего лучше него. Своими морозными копьями он пронзает плоть... насквозь пронзает! Ледяными ручьями он вырывает из меня органы, мышцы, даже кожу сдирает... и глаза вырывает... И чувствую я лишь дыханье свое и бесконечное биение вечно горячего сердца. Дыши, пока бьется сердце... Сердце, бейся, пока я дышу!.. Чувствую, как отнимается плоть моя... как сбрасывает

душа это жестокое бремя... и как, облегчившись, вздымается она к небесам... И я становлюсь чуть ближе к святым ангелам, ведь у меня теперь тоже... есть... крылья... Дыши, пока бьется сердце... Сердце... бейся, пока я дышу... бейся, пока не растаял снег...

Ох! – воскликнул он же в своих мыслях и внутренне раскатисто рассмеялся, а внешне лишь широко улыбнулся. – Вот точно мимо не пройти! Цветочные часы... со стрелками в человеческий рост! Черт возьми, и как я о них ничего до этого не знал».

Стараясь не задерживаться на перекрестке, студент дошел до Цветочных часов и оказался на площади перед ними совершенно один. «Ладно, он еще не подошел... А сколько времени вообще? Так, по этим часам надо еще сориентироваться... Ах, черт подери! Быстро же я сюда долетел... Еще ж целых двадцать минут до встречи! На таком холоде это не так уж и мало!» Он немного почертыхался вслух, покорчил недовольную гримасу под шарфом и решил немного пройтись, чтоб осмотреться и не мерзнуть, стоя на месте столбом.

Отойдя чуть влево от Цветочных часов, студент заметил ярко-зеленую вывеску аптеки. Ее окна тянулись куда-то вправо и заворачивали в какой-то закуток за часами. Он почему-то решил, что там будет не так холодно, не так сильно дует ветер и не так много снега. Хотя, вероятно, он просто, исходя из своей натуры, почувствовал необходимость свернуть с широкого тротуара на узкий и темный переулок, где не ездят машины и не брезжит в глаза белизна ниспадающей снежной пелены.

Закоулок этот и вправду оказался темным, несколько даже мрачным, но в меру. Он был грязным и таинственным, но отнюдь не пугающим. Идеальный баланс... Баланс этот начинался, как уже оговаривалось, с аптеки, носившей название «Социальной», а продолжился невразумительным магазином косметики. Хотя этот павильон больше подошел бы под прилавок с хозяйственными товарами: лопатами, молотками и так далее... Косметика?! Нет, ей тут не место... А затем отделение Почты России. Вот она-то в этом недвусмысленном антураже смотрится вполне органично! Надпись на витрине магазина в соседних окнах гласила: «Хлеб – вино – водка – пиво». «Ох, действительно, продукты первой, первейшей необходимости... Наиболее популярные, скажем так» – студент, проходя мимо, уже еле сдерживал вырывающийся смех от такого соседства.

Следующее помещение занимала весьма непрезентабельная парикмахерская, после которой нарочито выступал яркими огнями скромненький ресторанчик. Там подают что-то из ряда пицц, ленчей или классических салатов по типу «греческого» или «цезаря». Никаких деликатесов или кулинарных излишеств... чистая коммерция. Переулок закругляла и выводила вновь на перекресток Красной и Гаврилова еще одна небольшая кафешка. Хотя, скорее, это лишь заготовка под таковую. Обширное пространство под хлипким навесом с убранными и компактно сложенными по углам столами и стульями... Летом здесь, вероятно, уютно и мило, но сейчас – холодно и пустынно. Пройдя весь этот небольшой переулок, потоптавшись тут и там, студент вышел обратно к Цветочным часам, но, взглянув на них, осознал, что не прошло и половины оставшегося до встречи времени.

Ему все хотелось вернуться в тот ресторанчик, что в переулке. «Там так тепло и сухо... и горячий чай» – думал он, но боялся пропустить встречу. Без конца топчась на месте и усиленно кутаясь в шарф, скрываясь от холодного снега, студент совсем перестал поглядывать на часы. А будь в тот день какой-нибудь майский или июньский выходной, то он обязательно бы оценил любопытную искусность Цветочных часов.

Вся их композиция была весьма строго выдержана в определенном контрасте, надо сказать, не лишенном изящества. Цифры 12, 3, 6 и 9 – белого цвета; остальные – красные. Стрелки тоже были алого оттенка и как бы слегка подсвечивались для большей видимости. Сами же виновники названия архитектурного объекта – цветы – сейчас по большей части засыпаны липким приставучим снегом. Но в теплые месяцы они прекрасно дополняют контраст своими

прелестными ало-розово-белыми цветами... А сейчас же видны лишь некоторые из по уютному припорошенных снежным хлопком декоративных деревьев по краям конструкции.

Перед всем этим на небольшой площади на высоких столбах величественно развиваются преисполненные некой символической харизмой флаг и герб Краснодар. А между флажтками среди неожиданно нагрянувшей бури снега виднеется только одна фигура... фигура человека в черном пальто... он думает, ждет, стоит, крепчает под гнетом январского ветра... и, уж поверьте, очень сильно мерзнет...

III

Когда город делает тебя – это хорошо... тебе же и хорошо в первую очередь. Когда общество, люди вокруг делают тебя таким, какой ты есть – это хорошо. Тогда не нужно думать, как одеваться – одевайся, как все! Не нужно думать, что поест, куда сходить пятничным вечером. Не нужно думать, что делать со своей жизнью. Ведь это просто и хорошо... Проще и лучше не думать, из чего делают хлеб, который вы едите. Проще не думать и не знать, как работает, например, ваш телефон. Проще не знать, почему идут войны и за что умирают на них люди. Проще прислушаться к кому-то, чем думать самому. Проще с верой в чудо протягивать руки в небо, к богу, чем с усердием копать в земле, с другими чертями. Ведь все же мы, гуляя по аллее, рассматриваем вершины деревьев, а не ходим по газону с лопатой, откапывая корни. Так что, когда город вокруг возвышает тебя, когда общество делает тебя – это хорошо. А когда ты делаешь общество – это нехорошо... Если ты делаешь общество вокруг себя, если ты делаешь людей вокруг, если ты возвышаешь город – это совсем нехорошо... Но тогда ты – король!

И о чем думает человек, стоя посреди подобного города? Созидатель или потребитель, король или простолюдин – каждый из них! О чем они могут думать, стоя посреди снега, ветра, холода и тусклого света уличных фонарей? Может, о любви... безответной и несчастной, губительной или, наоборот, счастливой... Может, о работе... о свершениях, грядущих или уже давно прошедших достижениях... Может, о деньгах... всем же нужно что-то есть, нужно платить – тем более в наше время, когда платить приходится за все... Может, о родных... никто из нас не хочет, чтобы приходилось особенно беспокоиться и волноваться за них, но воистину несчастен тот, кому не за кого особенно волноваться и беспокоиться... Может, даже о сегодняшнем вечере... об ожидающей в уютной квартире чашке горячего чая, о теплом и мягком пледе, о банальном крепком сне... Мы не знаем, да и никак не можем знать, какие мысли томятся в голове, какие чувства треплются в груди у случайно встреченного человека на улице. Мы видим лишь силуэт его, силуэт этих мыслей и чувств, темное пятно, фигуру в черном пальто среди январских снегов, ожидающую встречи.

– Здравствуйте! – встреча подкралась неожиданно откуда-то из-за спины.

– Здравствуйте...

– Эм... Меня зовут Геннадий. По поводу книги. Мы созванивались сегодня.

– Ах, наконец-то! – собрал разлетевшиеся мысли молодой человек. – Ох, я очень замерз, пока вас ждал.

– Да! Сегодня прям сибирские морозы ударили! Давайте уже побыстрее с этим закончим.

– В Сибири похлеще будет, – в сторону пробурчал студент. – Мне нужно взглянуть на книгу, проверить ее состояние. Это она? – указывает на небольшой пакет в руках Геннадия.

– Да, да.

– Тут в двух шагах буквально есть ресторанчик небольшой. Давайте там сядем, согреемся... А я спокойно взгляну на книгу.

– Ну... Да, давайте, хорошо... Только недолго!

– Конечно!

- А как вас по имени?... Запомню...
- Лев! Меня Лев зовут.
- Приятно познакомиться.
- Взаимно... Идите за мной!

Лев повел Геннадия за собой в тот ресторан, который некоторое время назад проходил в подворотне. Ближайшее более-менее приличное заведение находилось пусть и не очень далеко, но до него еще надо было дойти по этой зиме, поэтому он вполне справедливо разрешил, что посидеть пару минут и согреться теплым напитком можно и в переулке. Тем более, сейчас, когда единственным требованием остается наличие закрытого отапливаемого помещения.

На улице, между делом, постепенно темнело. И снег на тротуаре перестал являть собой блистательную глазурь, сверкающую и ослепляющую, и превратился в мутную вуаль, которая создает впечатление некоего опьяненного состояния, а посему слегка клонит в сонливость, припудренную грустным спокойствием. Приятное ощущение, если только тебя при этом ледяным айсбергом не сносит с ног холодный ветер. Поэтому, наверное, многим и нравится в такую погоду сидеть весь день дома, укутав плечи в плед, а ноги в шерстяные носки, и держа при этом в руках огромную кружку горячего чая... нравится быть пьяными, опьяненными, одурманенными, но при этом спокойными и грустными... Да, есть в этом светлом одиночестве что-то и вправду романтическое и умиротворяющее... гармонизирующее внутренний мир, мысли в голове.

Пройдя сквозь метафорический айсберг снега, ветра и холода, мужчины добрались до двери ресторана. Сквозь бледно-желтые стекла было видно, что сейчас в заведении много свободных мест, а две официантки воркуют друг с другом у барной стойки. Их обезображенное равнодушием общение прервалось пронзительным звоном колокольчика, обозначавшего своим звуком очевидный факт открытия входной двери. Внутри приятно пахло оладьями и турецким кофе. Гостей встретил безразличный и уставший взгляд персонала, но вряд ли это их как-то задело, ведь теперь, в теплом помещении, можно скинуть осточертевшую верхнюю одежду, снять шапки, шарфы и перчатки...

Геннадий, сняв серый потертый пуховик и шляпу с козырьком, остался в мятых, явно не глаженных коричневых брюках, бурых меховых ботинках и в вязаном свитере зеленого или даже, скорее, болотного цвета с воротом, туго прилегающим к шее. Вообще, тип этот был не самый запоминающийся... Еще не выпавшие седые волосы были растрепаны, не ухожены и, казалось, сами ждут, когда б поскорее выпасть. Лицо его не обладало ни мужественной челюстью, ни выразительными скулами, от чего казалось несколько наивным и даже глуповатым. Нос был слегка кривой с потертой кожицей на горбинке. Глаза маленькие, тускло-голубоватого оттенка, с бегающим по углам и неуверенным взглядом. Геннадий первым разделся, а потому уже сидел за столом в наиболее теплом краю ресторанчика с небольшим пакетом в руках.

Лев, повесив на вешалку пальто с шарфом и распахив перчатки и шапку по карманам пальто, неспешно двинулся в сторону букиниста. В своем широком пуловере, черных брюках и звонко стучащих по полу нубуковых ботинках, он выглядел настоящим медведем. Хотя, может, такое впечатление во многом вызвали богатырский рост, широкие плечи, темные волосы, густые брови и мощные бакенбарды. Но истиной, скорее, будет то, что сей образ невольно компоновался из всех перечисленных факторов в сумме и непосредственной взаимосвязи. Прежде чем сесть, Лев размял замерзшие кисти рук, поправил пуловер и невзначай кинул на Геннадий свой взгляд... О, этот взгляд... надменный и презрительный, причем в высшей степени, но не от надменных и презрительных мыслей, а от природы... Брови, разрез глаз, скулы, все лицевые мышцы и, может, даже некоторые особенно неприятные события в жизни сделали его взгляд таким еще в детстве. И многого он уже натерпелся из-за него...

- Так, – положил Лев ладони на стол. – Где книга?
- Ах, да-да! Сейчас...

Геннадий, с наигранной флегматичностью достал из пакета книгу и предоставил ее на суд своему покупателю. Это был плотненький толстый томик в твердом переплете. На серой обложке, стилизованной под мрамор, устрашающе чернели готическим шрифтом два слова: «Шекспир. Трагедии». Между ними в небольшой квадратной рамке поместился схематичный портрет, предположительно, самого автора. Ниже – характерный вензель аристократического формата. Открываем форзац... На темно-сером фоне лаконично пристроился герб: щит с поперечной полосой, на котором стоит горделивая птица и в одной лапке держит средневековое рыцарское копье. За первой из страниц книги скрывалось имя автора: «Уильям Шекспир», но уже на следующем развороте художники разошлись похлеще, не забывая при этом соответствовать общей стилистике и духу описанного в книге времени. На левой странице разворота запечатлена минималистическая картина в арке, выполненная в черно-белом тоне, от чего создавалось впечатление, будто это лишь набросок карандашом. Итак, на ней была изображена сцена театра со зрителями, декорациями, в центре которой стоял актер в шутовском платье, ладонями закрывающий лицо. Картина не особо впечатляла и не несла в себе ничего удивительного, но, тем не менее, содержала некую загадочность, таинственность и даже ненарочную мрачность. Страница по соседству была менее содержательной, но куда более информативной. На ней перечислялись произведения, собранные в томе: «Ромео и Джульетта. Гамлет. Отелло. Король Лир. Макбет». «Все, что нужно», – подумал Лев. Листая страницы произведений в поисках каких-либо недостатков, он начинал постепенно завязывать разговор с Геннадием.

– Почему вы ее продаете? – спросил Лев, не поднимая глаз.

– Книгу?

– Ну, а что же еще?

– Скажем так, она мне уже без надобности.

– Без надобности? Шекспир?! – Лев поднял суровый взгляд на Геннадия, но тот уже привык к обстановке и чувствовал себя более-менее уверенно. – Вы понимаете, что я сейчас могу открыть любую страницу и найти на ней фразу, способную заставить человека переосмыслить свою жизнь, ну, или хотя бы просто крепко призадуматься над ней?

– Молодой человек, – протянул Геннадий, переминаясь на месте с ироничной улыбкой, – Я много пожил... Много и фраз таких прочел, в том числе и из этой книги.

– И разве вам не хочется оставить ее у себя? Для того, чтобы перечитать любимые моменты вечером, держать на полке как память, или просто передать детям, внукам...

– Я что-то не пойму: вы купить хотите книгу или мне же самому продать?

– Нет, конечно, купить... Но, мне просто... любопытно, – невольно прикладывает палец к виску.

– Что будете заказывать?

Это официантка прервала разговор и принесла меню, которое Лев тут же отверг однозначным движением руки.

– Черный чай с лимоном, пожалуйста... Два.

– Нет, мне не стоит, – замотал головой Геннадий.

– Почему? Не стесняйтесь. Несите...

Официантка, дождавшись этой команды, молча откланялась. Геннадий же все не успокаивался. Он нервно начал тереть подбородок и тяжело вздохнул, понимая, что продолжительного разговора с юношей не избежать, в то время как ему самому хотелось закончить все побыстрее.

– Ну, Лев... Что же вы хотите от меня услышать?

Тот в ответ лишь в недоумении развел руками и выпучил глаза.

– Вы задали вопрос – я на него ответил. Но вас, видимо, мой ответ не удовлетворил. Что вы хотите услышать?

Лев в задумчивости опустил глаза на книгу. По движущимся зрачкам было видно, как он невольно прочел пару случайных строк, а потом вдруг остановился, иронично усмехнулся, посмотрел долгим и глубоким взглядом на собеседника и, наконец, спросил:

– Чем вам так не угодил Шекспир?

IV

– Против собственно Шекспира я ничего совершенно не имею, – с улыбкой ответил Геннадий.

Оперативно поднесли чай. Сквозь прозрачный заварник был явственно виден светло-бурый цвет напитка, который свидетельствовал о том, что ему еще только предстоит по-настоящему настояться для всей полноты вкуса. Но восхитительный букет ароматов уже прорывался с парами кипятка, наполняя сознание гостей бергамотовыми красками. Лев буквально на пару секунд отвлекся мыслями на неповторимое изящество линий, рисуемых в прохладном воздухе испарениями чая. Он очень внимательно следил за движением плавно текущих облаков, незаметно тающих в пространстве времени, мыслей и чувств...

– Пусть постоит пару минут. Потом можете наливать, – вернула его к реальности официантка.

– Спасибо, – ожил Лев. – Вас прервали... Продолжайте.

Геннадий уселся поудобней, как бы случайно вспомнил о том, что рассказы стариков мало кто желает слушать, особенно из молодежи, а посему решил не преминуть возможностью выговориться.

– Я в академики никогда не стремился. Да и простой литературе в школе не сильно хорошо учился... Ушел после восьмого класса и отправился в строительный техникум. Там мне и место. А все эти Шекспиров, Пушкины – я долек от искусства. Не мне их судить и, тем более, не мне на них жаловаться.

– Но откуда-то ведь эти книги у вас появились.

– И, признаться честно, не я тому виной. Эта история, как и многие другие в жизни обычных мужчин, началась с женщины... В данном случае речь идет о моей сестре, царствие ей небесное. Эх...

– Она недавно умерла? Соболезную. Я тоже два года назад потерял родного человека. Понимаю, что вы чувствуете. Эти вздохи, этот взгляд, дрожь в голосе... Со временем они – нет, не уходят – скорее, становятся более привычными, что ли... не знаю как сказать... Становятся чем-то нормальным, обычным... Время идет, учишься жить без этого человека.

– Да... Вероятно.

– Так у вас эта книга от сестры?

– Не только эта книга, а еще многие другие. Она старше, всегда была умнее, воспитаннее... Постоянно присматривала в детстве за мной, шkodливым парнишкой. Любила учиться... И книги тоже любила читать. Стихи особенно обожала. Меня тоже пыталась хоть как-то к этому приучить – присылала разные книжки. Я читал, пробовал что-то понимать... В конце концов, столько наотправляла, что складывать некуда было. Вот я и решил пару книг подарить знакомым. Это были какие-то произведения Лермонтова... В общем, когда она узнала, так как взъелась! Ух! «Как так можно! – говорит. – Это ведь книги! Бессердечно отдавать их кому-либо! Ведь знания, что они несут – бесценны!» Вот прям так и сказала... Ух, как взъелась!

– О! Я ее прекрасно понимаю! – усмехнувшись, поддержал разговор Лев и налил себе и собеседнику чаю. – Понимаю и поддерживаю – это бессердечно. Это ж Лермонтов!

– Вот и она – один в один, как вы – вздымала руки и не понимала! Я говорю, что все равно уже прочитал это... Пусть кто-то еще прочтет. Она махнула рукой и обиду затаила... Но все равно через месяц прислала еще две.

Собеседники пригубили чай – уже чуть остыл, не так жжется – можно пить. Но не прошло и полминуты, как Лев возобновил разговор:

– Вы сказали, что она присылала книги. Жила в другом месте?

– Я далеко жил... Относительно далеко. Мне в то время в Новочеркасске довелось жить. Вынужденно, правда... Мы родились в Динской. Если я после школы в училище пошел, то она как раз сюда приехала, в университете училась. Она молодец, с красным дипломом институт закончила. Раньше его было получить не то, что сейчас... Ух, как потрудиться ей пришлось. И на работу отличную ее взяли, соответственно. А мне после училища предложили в Новочеркасске как раз ухаживать. Я молодой тогда был совсем, многих ценностей жизни не понимал... Эх, вот и сказал семье «До свидания!» и за последующие тридцать с лишним лет возвращался, может, раз пять-восемь. На похороны отца... матери... Пару раз на день рождения сестры. Еще раза три заглядывал проездом, когда на отдых к морю ездили. Нельзя сказать, что был там совсем одинок. Супругу свою я именно в Новочеркасске встретил. Двух парней крепких родила мне. Но, спустя долгое время, я понял, что все-таки зря тогда бросил родных... Тогда-то сестра мне вместе с письмами и книги отправляла. Сама тоже приезжала временами...

– Это хорошо, когда родные люди даже на расстоянии поддерживают между собой хорошие, плотные отношения... Все реже так случается.

– Так то оно так, но... Меня никогда не отпускало ощущение, что я для нее всегда значил больше, чем она для меня.

– Мне кажется, так часто бывает, когда человек равнодушен.

– Да, но... Я то к ней так не тянулся, как она ко мне. У сестры было много друзей в молодости. Замуж вышла тогда, когда нужно... Тоже двое детей у нее – сын и дочь. Муж, правда, много пил, от чего заболел сильно очень и скоропостижно скончался лет пять назад. Я после девяностых все хотел в Краснодар перебраться. Тут и близкие, и море недалеко, и места породнее как-то, но все медлил... А сестра, как овдовела, тут же стала подгонять. Говорила, что грустно ей тут одной... Дети то дети, но у них своя жизнь...

– У них свои семьи уже... Не до родителей.

– Да... Вот я и решил. Собрал семью и приехал. Не в одно мгновение, конечно. Сначала продал дом в Новочеркасске. Потом нашел квартиру здесь. С деньгами было туговато порой, но дети выручали, помогали, чем могли... Поднесли стакан воды в старости, как говориться.

– Все по канону. «Как завещали нам отцы...»

– Именно! Но, пока управлялись, стало уже поздно... Сестра тоже сильно заболела. В больницах провела почти все то время, как я здесь со своей семьей живу... Обидно... Так обидно, что не удалось с ней даже толком поговорить напоследок, – Геннадий потер слегка намокшие глаза. – Я так и не узнал, что мне все это время пытался сказать человек, который был всю жизнь самым родным и близким... Всю жизнь сестра будто пыталась что-то до меня донести... рассказать свою жизнь через книги... Мне порой кажется, что потому она и злилась, если я кому-то дарил их. Точно я не книгу отдавал в чужие руки, а доверенный мне кусочек ее жизни... ее судьбы... кусочек сердца, души... Я не понимал этого. Не думал раньше никогда... мало внимания ей уделял... А вот теперь, после смерти сестры, эти мысли как бы преследуют меня и не отпускают.

– И потому вы книги распродаете? Думаете, что избавитесь от угрызений? Извините за прямоту, конечно...

– Ничего... Вы, наверное, даже правы... в какой-то степени... Некоторые я раздарил – те, у которых обложка нарядная. Ее любимого Лермонтова у нее на могиле оставил. Это были ее книги... ее жизнь... Остальные продаю понемногу. Думаю, если человек хочет купить это

произведение, то оно ему нужнее меня. Я никогда не понимал и не пойму, о чем они... Вот Шекспир тот же. Я даже не понимал, что происходит у него там... непонятно как-то пишет.

– А говорите, против ничего не имеете, – подметил мельком Лев, неспешно потягивая подслащенный сахаром вкусный чай.

– Ну, правда, – тоже поспекает напиться чаем, пока тот не остыл. – Черт ноги сломит в его строках...

– И все же я думаю, вы не правы.

– Поживите с мое и поймете, что никто не бывает прав.

– Ну, не сказал бы... Объяснитесь.

– Живет человек и живет. И смотрит на все, так сказать, со своей колокольни. Ну, например... Думаю я, что сестра мне книгами свою жизнь пересказывала. А, может, она просто добра мне хотела, чтобы я читал, развивался как-то... А, может, ей тоже, как и мне, просто некуда было книги девать.

– И что? Думаете, среди этих догадок нет истины?

– Если даже и есть, то всю правду знала только она.

– Вот видите. И она была бы права в своем. Вы правы в своем, а я – в своем. Но нельзя ведь сказать, что никто и никогда не бывает правым.

– Лев... Нам раньше так говорили: кто спорит со старшими, тот быстро состарится.

– Я не боюсь состариться...

– Это пока... Вы еще слишком молоды, чтобы бояться быть стариком.

– Так или иначе, я скорее состарюсь от чтения, нежели от споров.

– И Шекспир вам в этом будет дельным помощником!

– Не сомневаюсь... Я из его произведений раньше читал некоторое сонеты, а из трагедий только «Ромео и Джульетту». И этого было достаточно, чтобы понять, что Шекспир велик! Он обогнал свое время на пару веков уж точно.

– Помню, как сестра как-то сказала, что Шекспир очень хорошо понимал людей, их поступки, а потому и держал публику за живое.

– И в этом она уж точно была абсолютно права! Она была права, Геннадий...

V

Между делом была почата вторая порция чая.

– Будем считать, я удовлетворил ваше любопытство. Теперь же, будьте добры, удовлетворите мое.

– Смотря, что вы хотите узнать.

– Я сказал, зачем продаю книгу. Теперь вы ответьте – зачем покупаете.

Лев на мгновение даже замешкался.

– Думаю, тут все очень просто: чтобы прочесть ее, собственно. Разве это не естественно?

– В широком смысле – да, естественно. Но я спрашиваю конкретно про ваш случай – почему именно эта книга, почему именно сейчас и прочее в том же духе.

– Ну... Я не знаю, что ответить. Не до конца даже понимаю, что вы эдакого хотите узнать.

– Видите, как все аналогично.

Геннадий будто бы злорадно улыбнулся, довольствуясь тем, что поставил молодого человека в то же сконфуженное положение, в котором и сам оказался несколько минут назад. Но радость эта в его мыслях не была злой, а, скорее, азартной. Точно весь этот разговор – игра. И вот Геннадий, наконец, сравнял в ней счет. Может, даже удастся повести? Но сделать это будет не так просто, ибо Лев сумел гордо принять вызов.

– Ладно. Что ж, задавайте интересующие вас вопросы, – вот что было произнесено, но слышалось, скорее, это: «Хорошо, давайте сыграем».

– Чем вы вообще занимаетесь по жизни? Кем работаете? Или, может, учитесь до сих пор?

– Да, учусь.

– На кого, если не секрет?

– На юриста.

– То есть, – прерывает его Геннадий, – ваша профессия, а тем более ее постижение, никак не связаны с классикой художественной литературы?

– В общем и целом, да.

– То есть, литература – это чисто ваше личное увлечение.

– Мне не очень нравится слово «увлечение». Оно какое-то несерьезное, слишком легкое и ветреное... Это моя страсть. Да, так будет вернее.

– А почему тогда вы не решили заниматься своей страстью профессионально?

– Но литература не единственная моя страсть. Я поддерживаю ту мысль, которая скользнула в вашем вопросе. Работа должна быть страстью, тем, что действительно интересно. Иначе и сама жизнь превращается в нечто очень нехорошее.

– Рад, что вы меня понимаете. Но не кажется ли вам, что стоит выбрать что-то одно. Все силы свои направлять в единое русло. Не зря поговорка гласит: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Великие были настоящими фанатиками своего дела.

– В ваших словах есть логика, но... Булгаков и Чехов успешно врачевали, Лермонтов, помимо всего прочего, был еще и прекрасным художником. Достоевский питал неудержимую страсть к азартным играм, а Есенин – к алкоголю. Если одна страсть дополняет другую – это не так уж и плохо. Тут как в упряжке лошадей... Если они рвутся в разные стороны, то разорвут на части, а если пустить их в одном направлении – понесут в два раза быстрее.

– А вы считаете, что ваши страсти можно пустить в одном направлении?

– Я думаю, что литература – в качестве нравственной основы – пригодится в любой упряжке.

За окном кафе – столь неожиданно оказавшегося вполне уютным для беседы за чашкой чая – постепенно темнело. Небо из бледно белого превращалось в мрачно серое и грозило через час-полтора стать беспросветно черным. И в этом необратимом движении есть что-то беспощадное, безысходное... как смерть... но и бесконечно романтическое и чарующее... как жизнь... И жизнь, и смерть слились в одном лишь цвете безлунного неба. А все самые изысканные краски бытия нашли свое нетленное отражение под фонарным столбом в свете подвешенной лампы. Снег зимы, перестав тонуть в белом холодном воздухе, как лед в горячем молоке, заиграл причудливыми гранями среди цветастых витрин на Красной. В свете того самого фонаря прекрасные снежинки танцевали венский вальс Шопена. И видны ноты в такте их движения. И видны в них настоящие, человеческие, живые эмоции. Это не бездушный снег, не холодный лед... Это горячие души умерших витают в свете фонарей, падают на плечи людям и оседают на ресницах... Да, это души... горячие... горячие! Они горят, вальсируя, живут, как могут... как раньше не могли... Погибли рано. Погибли поздно. Страсти жизни в остроконечных их углах... Снежинка тает на щеке и превращается в слезу... слезу забытого счастья и горя. Прах пепла человечества в сугробах под окнами, раскрашенными в яркие новогодние цвета. Встречаем новое – провожаем старое. Начинаем жизнь – прощаемся со смертью... В треске морозного ветра не стихнет песня этого вечера... не стихнет зима и ее беззаботный ноктюрн... Здесь погибла та музыка, пала та песня... Здесь умерла жизнь. И здесь выпал снег... белый и ясный, точно мысли младенца... Здесь умер младенец. Здесь умер я, когда был младенцем, и снегом выпал на свое же плечо...

– Я так понял, вы уже несколько знакомы с творчеством Шекспира?

– Да. Я говорил, что в школе по программе проходили трагедию «Ромео и Джульетта». Так же когда-то сонеты его читал. Я, пожалуй, полностью соглашусь с мнением вашей сестры. Мне кажется, этот человек очень тонко понимал жизнь... именно нашу жизнь, человеческую, бытовую. Причем написал об этом один из первых. Думаю, такой творец достоин внимания и уважения.

– Моя сестра была бы счастлива иметь такого брата, как вы, – невольно вырвались мысли вслух у Геннадия.

– Не думаю...

Разговор прервался на несколько мгновений неловкого молчания. Лев почувствовал себя сконфуженно, хоть и внешне излучал уверенность и спокойствие, как солнце излучает яркий свет горячим июльским днем.

– А я было думал, что современная молодежь уже не читает книг, – Геннадий предпринял попытку перевести разговор в менее неудобное русло.

– Читают, – Лев охотно подхватил реплику. – Может, не так обильно, как раньше, но читают. Дело в том, что сейчас много разных развлечений... много всего, чем можно отвлечь людей от, например, того же чтения... учебы, работы... от развития, проще говоря. Но в каждом поколении хватает умных людей, которые понимают, что именно важно в этой жизни.

– А остальные, значит, не понимают?

– Зайдите на минуту в любое популярное место наподобие торговых центров, и вы узнаете сами мой ответ. Я не говорю, что люди стали глупее или что-то в этом роде... Нет! Стоит только направить ум человека в, скажем так, ненужное русло, то он не будет опасен для системы. Спросите, как направить? Средства массовой информации... как средство массового уничтожения... Все – от социальных сетей до телевидения – лишь громадная прачечная для промывки мозгов в промышленных масштабах.

– Допустим... А что тогда, по-вашему, нужно русло? Что, по-вашему, важно? Я, например, много лет читаю газету, люблю отдохнуть, смотря телевизор, и не вижу в этом совершенно ничего плохого.

– Для кого-то – плохо, для кого-то – нет. А отвечая на ваш вопрос... Человек... Человек – это часть человечества. И не только нашего социума, а всех людей, которые когда-либо существовали и когда-либо будут существовать. История – тоже часть человечества. Не так ли? Многие великие экономисты придерживались, как заповеди Господней, правила: что хорошо для одного человека, то хорошо и для всего общества. Я бы поменял слагаемые местами, и, вопреки логике, сумма бы поменялась... Что хорошо для общества в целом, то хорошо и для каждого отдельного человека. Чем нам быть? Что делать? С первобытной непосредственностью придерживаться заповедей индивидуализма из разряда: я не у дел, пока мои коровы целы? Или сообща решать, какой путь выбрать, а любого – независимо от расы, нации или вероисповедания – воспринимать как собрата? Оставаться разрозненными неандертальцами, беспокоящимися только за свой личный кошелек, или стать, наконец, настоящим человечеством, где горе и счастье одного – горе и счастье для всех?

– Я так понимаю, это вопрос риторический...

– Риторический вопрос не требует ответа. Эти вопросы ответа просто на просто не имеют... Ну в самом деле! Вести бесконечные философские диспуты и задавать вопросы, на которые никто не может ответить – что нам еще остается делать?

– Только читать книги! – успел неплохо вставить Геннадий, подмигнув собеседнику.

– Кстати о книгах...

Лев вновь взял в руки том трагедий Шекспира. Как не странно, сейчас этот экземпляр печатного издания стал казаться несколько тяжелей и толще, чем в начале разговора. Будто за полчаса беседы в нем прибавилось страниц, на этих страницах прибавилось чернил, а чернила еще больше насытились железом. Будто прибавилось историй, рассказываемых в этой книге...

прибавилось страниц в жизни людей, вкусивших этот неожиданный разговор... прибавилось планет в их маленьких вселенных...

Молодой человек стал снова активно пролистывать страницы. На этот раз на него уже не действовало оболыщение готических узоров и странных загадочных иллюстраций. Остатки его внимания сосредоточились исключительно на качестве книги и на желании сбить цену хотя бы на пару сотен.

– Вот здесь, посмотрите, страницы отходят от корешка, – указал Лев на брешь в листах.

– Да, это пустяки, молодой человек. Еще много лет продержится, если вы, конечно, насильно не будете отрывать листы.

– Нет, конечно! Что за глупости? Просто со временем они и так и так отвалятся.

– Что ж тут поделать! – усмехнулся Геннадий. – Со временем из всех книг выпадут страницы.

– Может, уступите все-таки рублей двести. По ней же видно, что книга не первой свежести, мягко говоря.

– Это смешно, молодой человек, – развел руки букинист. – Я итак ее очень дешево продаю.

Лев взял пару секунд на размышления. Книга действительно была в хорошем состоянии. Да, некоторые листы слегка отклеились, но это было в конце на страницах с примечаниями и содержанием. А цена и вправду была катастрофически низкой для подобной литературы. Можно сказать, даром отдают! Поэтому Лев попереминался на месте, покусал губу, но все же ответил:

– Ладно, хорошо. Беру, – достал бумажник и начал отсчитывать купюры.

– Вы не умеете торговаться, так? – подметил Геннадий, потирая ладони.

– Это уж точно не в моей крови! – усмехнулся Лев и попросил счет у официантки.

Студент, не откладывая бумажника, оплатил счет, а Геннадий, в свою очередь, оставил хорошие чаевые.

– А можно мне ваш пакет? – обратился Лев, вставая. – Это для книги: чтоб не запачкать.

– Да, конечно! Вот, возьмите...

Оба направились к выходу. Пока Лев аккуратно упаковывал издание, его старший товарищ уже успел собраться, благо одет он был действительно скромно.

– Очень приятно было пообщаться, – протягивает руку Геннадий.

– Взаимно, – пожимает ее, глядя прямо в глаза собеседнику, студент. – Всего вам доброго.

– И вам. До свидания!

Геннадий вышел за дверь. Лев еще повозился пару минут. Он не торопился... Точнее, ему не хотелось торопиться. Ему хотелось... хотелось подольше подышать остатками приятной беседы в воздухе. В ней не было ничего значительного, жизненно важного, грандиозного или особо поучительного. Но ощущения от этого не посрамились быть значительными... значительными в своей жизненной простоте... Простой диалог о простых вещах – что может быть значительнее и важнее?

Со всей возможной основательностью Лев натянул пальто на плечи и обмотал шею шарфом. Застегиваясь, он пристально искал, куда примостить бы, в какой карман запихнуть свою покупку. Но, не найдя подходящего решения, надел шапку и перчатки и решил нести пакет с книгой в руках. Возможно, будет немного холодно и неудобно, но что поделать. Молодой человек напоследок оглянул кафе, чтобы удостовериться, что ничего не забыл ни за столом, ни на вешалке. Потом похлопал по карманам, чтоб уж наверняка проверить наличие телефона, бумажника и ключей. Все на месте. Лев открыл дверь и... есть выражение: «сделать шаг в бесконечность». Но это, казалось, был шаг из бесконечности обратно... из истории Шекспира в реальный мир... Прощай, Джульетта, мы будем помнить смертельный вкус твоего поцелуя. Дверь вновь закрылась, кафе вновь опустело...

VI

«Быстро же стемнело...»

Так вот, если бы мы могли-таки слышать мысли других людей, то именно эти слова звучали бы чаще других поздними вечерами, коим, как известно, свойственно быть мимолетными. По какой-то совершенно неопределенной причине человеческий глаз даже за несколько десятков лет не может привыкнуть к тому, что сумерки порой могут столь незаметно проходить мимо... зашел в кафе вечером, а вышел уже практически ночью... И все равно каждый раз в каком-то пусть даже самом тихом уголке мозга прозвучит шепотом эта классическая мысль: «Быстро же стемнело...»

Снегопад немного приутих, так что людям на улице можно приподнять свои головы до естественного положения и хоть немного видеть, что вообще происходит вокруг. Лев при этом, не успев еще замерзнуть и съежиться, выпрямился и статно расправил плечи. Так уж повелось, что он с детства удостоился иметь подобную переполненную внушительной уверенности осанку, от которой старался не отходить. Но у погоды на этот счет были свои мысли. Поэтому студенту уже через минуту нахождения на улице пришлось припрятать свою гусарскую осанку от морозного ветра. Однако, как и ранее по пути на встречу, это не мешало ему продолжать здраво рассуждать...

«Черт его знает, как мне отсюда уехать! Так, думаю, точно что-то должно идти в мой район. Но в шторм у пристани своей лодки дожидаться не очень-то хочется... Ладно, сделаем так: пойду обратно в сторону Галереи – оттуда я точно на чем-нибудь уеду – а если по пути увижу что-нибудь знакомое, то остановлю. Да!»

Сея прыть закончилась через две остановки. Лев быстро замерз и устал идти навстречу холодному ветру. Он оперативно вспомнил, на чем можно уехать от Красной, и предпочел спокойно постоять минут десять под навесом без риска невзначай пропустить свой автобус.

Ну, а покуда есть возможность, можно упомянуть немного о том, чего Лев, в отличие от Геннадия, не стал делать. А именно, рассказывать собеседнику всю подноготную своей жизни. Эта биография не отличается от множества других какими-то неожиданными, непредсказуемыми, сверхнеобычными поворотами. Но его жизнь – как и любая другая – при этом имела собственный неповторимый вкус и аромат. Тут можно было бы возразить, что, мол, не у каждой жизни есть запах, вкус или даже цвет. Что, например, конкретно ваша жизнь лишена вкуса, запаха и так далее... Но это не так. Если вам кажется, что жизнь лишена вкуса, то, может, вы ее вовсе и не пробовали? Можно разве только предупредить: бойтесь запаха и привкуса навоза – возможно, не тот пирог кусаете...

Что ж, не вижу причин лукаво мудрствовать с началом. Лев родился в Мурманске в семье юристов. Его мать Татьяна Николаевна – доцент юридических наук – преподавала в университете, а отец Соловьев Сергей Васильевич работал судьей и считался одним из лучших в городе специалистов по финансовому праву. Даже в тяжелый период перестройки он сумел разобраться со всеми изменениями и нововведениями в законодательстве, хотя и относился к новой рыночной системе двояко и со всевозможной осторожностью. Это выразилось в том, что где-то с середины девяностых родители Льва старались держать все сбережения в иностранной валюте. И когда, казалось, жизнь стала налаживаться, мурманские юристы решили завести ребенка. И решились они на это, нужно отметить, весьма поздно – обоим было далеко уже за тридцать лет. Родился Лев в знатную бурю в конце ноября. Его отец даже не смог в тот день добраться до роддома, а потому сильно волновался и нажил себе сотню-другую седых волос за один только вечер. А еще через пару лет грянул дефолт... Это причудливое слово стало в

миг известно каждому взрослому человеку в стране и ассоциировалось с самыми кошмарными последствиями...

Но, как говорят в народе, нет худа без добра. Долларовые сбережения, обмененные по многократно возросшему курсу в рубли, представляли собой вполне солидный капитал, который мог кардинальным образом изменить жизнь мурманского семейства. Дум по поводу того, как использовать средства, было много, но решение пришло все равно внезапно и даже несколько спонтанно.

Это был тихий прохладный вечер, склонявшийся к такой же тихой и прохладной ночи. В доме не было света из-за очередной аварии на подстанции. Родители Льва спокойно сидели на кухне. Но тут его мама, держа в руках совсем еще маленького сыночка, вдруг прервала молчание:

– Как бы я хотела снова вернуться на юг... Там так светло, хорошо, море такое теплое, – будто уже начала уговаривать мужа. – Сереж, я не хочу всю оставшуюся жизнь пробывать здесь, во льдах, где зима девять месяцев... Я маме позвоню – она же в Новороссийске, кажется, живет. Сереж, давай уедем. Может, уже не будет такого шанса никогда больше.

Глава семейства посмотрел на супругу, на ее глаза, переполненные чистой, как минеральная вода, надеждой... на лицо ее, освещенное ласкающим, нежным светом догорающей свечи... Поразмыслив немного, он решил согласиться с женой.

Дорога с севера на юг была длительной и трудной. Можно долго пересказывать всю тяжесть мытарств, связанных с переездом... Стоит лишь убедительно отметить, что, несмотря ни на какие преграды, сие путешествие успешно закончилось в городе-герое Новороссийске Краснодарского края.

Соловьевы здесь обживались постепенно: сначала подыскали небольшую и недорогую квартирку, купили какую-никакую мебель, бытовую технику и так далее... Маленького Леву уже можно было пристроить в детский сад, а родителям – заняться работой. Сергей Васильевич вернулся к своей привычной деятельности в местном суде, а Татьяне Николаевне взбрело в голову – иначе и не скажешь – открыть небольшой «бизнес». Хотя по сути своей ее дело представляло собой обыкновенную спекуляцию. Арендовав небольшое помещение, она в розницу торговала тем, что до этого закупала оптом. Но уже через полтора-два года, окончательно прогорев, Татьяна Николаевна бросила эту идею. Здесь хотелось бы оговориться, что она не была такой уж глупой и немощной бездельницей. Просто бывает так, что мир, в котором ты вырастаешь, воспитываешься, встаешь на ноги, меняется и тебе в нем порой не достается почетного места... Татьяна Николаевна – интеллигентная, образованная, эрудированная, честная и благородная дама... Хороший человек – подходящий диагноз. Но в мире с повсеместной свободой слова все меньше ценится умение молчать. А громко лаять Татьяна не могла и не любила. Она не умела мстить, зато умела прощать. Таким людям в бизнесе любого уровня и размаха нет места. Тут недостаточно быть хорошим человеком – нужно еще уметь всех «послать к черту».

Зато «послать к черту» очень хорошо мог ее муж. Ему тоже пришлось, мягко говоря, несладко. В Мурманске у Сергея Васильевича имелись очень хорошие рабочие связи, которые при необходимости уберегали его от определенного рода проблем даже в самые лихие времена. В новороссийской же судебной системе его контакты заканчивались, а лихие времена продолжались. Думаю, чтобы не отпугивать особо впечатлительных господ, обойдемся без документальной передачи всех ненастий тех лет. Просто оговоримся: люди, работавшие или до сих пор работающие в данной сфере, не понаслышке знают и помнят, как работала правоохранительная и правозащитная система в стране в конце девяностых и начале нулевых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.